

— Не преувеличивай, — отозвался Янь Хуасин. — Всегда найдутся новички, которые превзойдут меня. Волны в реке всегда подгоняют друг друга.

— Нет, таких нет, — покачал головой Ши Ицюань.

— С чего ты взял? — поинтересовался Хуан Цзичао.

— Я наводил справки. Результаты тестов у первокурсников самые обычные. Никто из них не произвел такого фурора, как в свое время Фэн-гэ.

Тестирование способностей у первокурсников всегда проходит до начала занятий, тогда как у второкурсников и третьекурсников оно назначено на неделю позже. Руководство академии решило дать им время, чтобы восстановить гибкость в использовании своих сил.

Словам Ши Ицюаня обычно можно было верить процентов на семьдесят, но в этот раз он был абсолютно уверен. В прошлом году Янь Хуасин показал результат, которому не было равных ни в прошлом, ни, вероятно, в будущем. Его сила была поистине потрясающей. Он в одиночку бросил вызов авторитету инструктора по тестированию и вышел победителем! Кто еще мог сравниться с ним? Никто.

Янь Хуасин отмахнулся:

— Слишком много чести.

Ши Ицюань, погрузившись в воспоминания, с чувством произнес:

— Фэн-гэ, Фэн-гэ... Когда я стоял тогда в толпе, ты казался мне таким недостижимым.

Хань Линцзы нахмурилась:

— Ты что, пересмотрел молодежных сериалов?

— Каких еще сериалов?! Я рассказываю историю, причем очень трогательную. Сестра Хань, не перебивай, — Ши Ицюань продолжил: — Когда я увидел тебя впервые, то подумал, что ты какой-то трудный подросток, вечно идущий на конфликт с руководством академии. Кто бы мог подумать, что в итоге ты вступишь в Комитет дисциплины.

— Если бы я не вступил в Комитет дисциплины, ты бы не смог называть меня Фэн-гэ, — с легкой улыбкой ответил Янь Хуасин.

— И то верно, — согласился Ши Ицюань.

Хуан Цзичао цыкнул:

— Ужасное прозвище. У Хуасина такое красивое имя, а ты придумал черт знает что.

— Зато оно подчеркивает его высокий статус! — возразил Ши Ицюань. — Комитет дисциплины — это ведь такая важная структура в академии Мознь!

Хань Линцзы отрезала:

— Звучит отвратительно.

Ши Ицюань замолчал.

Прежде чем он успел продолжить свои дифирамбы в адрес этого прозвища, в переднюю дверь вошел преподаватель литературы.

— Ну что, ребята, урок скоро начнется, рассаживайтесь.

Вместе с учителем в класс вошел Гу Хэюэ. Он прошел через заднюю дверь и занял свое место как раз в тот момент, когда прозвенел звонок.

Янь Хуасин перестал улыбаться и принялся внимательно изучать спину Гу Хэюэ. Тот был почти одного роста с ним, даже на пару сантиметров выше, но почему-то всегда слегка сутулился. Видимо, это была лишь привычка для посторонних глаз: у входа в спортзал, когда они встретились, он стоял с прямой спиной, отчего казался еще выше.

Нарочно? Значит, все, что сейчас демонстрирует Гу Хэюэ, — маска? Настоящим он был, наверное, три года назад, когда Янь Хуасин видел его в последний раз. Жаль только, что во время допроса в Бюро расследований Янь Хуасин так спешил домой, что не стал вникать в детали. Теперь пришло запоздалое сожаление.

Слишком много тайн скрывал Гу Хэюэ, и Янь Хуасин не мог не заинтересоваться им. Что же скрывается за этим нежеланием открываться миру?

Пока учитель рассказывал о планах на семестр, Янь Хуасин лениво листал учебник, почти не слушая. В какой-то момент, когда он что-то записывал в тетрадь, кто-то спереди передал ему записку.

Хм?

Как ни крути, подобные нарушения дисциплины не должны были происходить прямо перед носом у Янь Хуасина, а уж тем более — адресоваться ему. Однако раз записка пришла от Гу Хэюэ, интерес взял верх. Они почти не разговаривали, и это был их первый обмен записками.

Янь Хуасин усмехнулся и вчитался в строки:

— После уроков пойдем вместе.

Подумав, он набросал ответ:

— Зачем? Мне еще нужно кое-кого найти, так что уйду не скоро.

Гу Хэюэ быстро передал ответ:

— Хорошо.

Всего одно слово? Неужели стоило ради этого передавать записку? Наверное, любопытство совсем лишило его рассудка, раз он решил переписываться с Гу Хэюэ прямо во время урока. Янь Хуасин скомкал бумажку и отложил в сторону, возвращаясь к конспекту.

Только сейчас, убрав записку, он заметил, что Гу Хэюэ приложил к ней пластырь. Тот лежал под бумагой, и Янь Хуасин его не увидел. Гу Хэюэ даже не стал сворачивать записку, просто развернул ее и положил на край парты. Оказывается, в этом был скрытый смысл.

Янь Хуасин улыбнулся, вертя в руках пластырь. Сине-белый, с нарисованным на нем щенком корицей. Он усмехнулся про себя: такая милая картинка совсем не вязалась с холодным характером Гу Хэюэ. Рана на лице еще не затянулась, хотя кровь давно остановилась. Поразмыслив, Янь Хуасин все же вскрыл упаковку и наклеил пластырь на ссадину.

Ши Ицюань собрал вещи и собрался идти в общежитие. Хотя вечерних занятий в школе не было, домашнее задание никто не отменял. Можно было пойти в библиотеку или вернуться в комнату. У Ши Ицюаня и Хуан Цзичао не было кружков, поэтому после уроков они обычно сразу уходили.

Общежитие находилось за пределами школы, там действовал строгий комендантский час, и персонал проверял всех присутствующих. И было одно важнейшее правило: в общежитии категорически запрещалось использовать способности.

По сравнению с обычными, условия в частной высшей академии Моэнь были куда роскошнее: двухместные номера, отдельный санузел, письменный стол для каждого и целая стена шкафов для вещей. Корпорация Моэнь не скупилась на свои учебные заведения.

Ши Ицюань и Хуан Цзичао жили в одной комнате и почти всегда ходили вместе.

— Фэн-гэ... — начал было Ши Ицюань, но осекся.

Почему у Фэн-гэ на лице наклеен этот милый синий пластырь? Когда он успел это сделать, и зачем такой детский рисунок?! Как член Комитета дисциплины может выглядеть настолько несерьезно, где же его авторитет?

Янь Хуасин поднял голову:

— Что такое?

— Да так, хотел спросить... то есть, Фэн-гэ, когда ты успел наклеить пластырь? — Ши Ицюань долго мялся, но в итоге не решился задать настоящий вопрос.

Янь Хуасин не ответил, лишь указал на пластырь и спросил с улыбкой:

— Мило, правда?

Его волосы, снова ставшие слегка волнистыми, мягко падали на лоб, а глаза светились весельем.

— Мило, — машинально ответил Ши Ицюань, но тут же спохватился: — Не уходи от темы! Зачем ты его наклеил? Перед первым уроком его точно не было.

Ши Ицюань после первого урока сразу уснул, положив голову на парту, поэтому ничего не заметил. А вот Хуан Цзичао видел, когда Янь Хуасин наклеил пластырь, но понятия не имел, где он его взял.

— Хань Линцзы говорила, что нужно защищаться от солнца, — невозмутимо произнес Янь Хуасин. — Пластырь тоже неплохо защищает.

Ши Ицюань:

— ...

Он понимал, что Янь Хуасин просто переводит стрелки, но возразить было нечего.

Хань Линцзы, которая сегодня дежурила, как раз стерла с доски и, подхватив сумку, собиралась уходить. Услышав свое имя, она остановилась:

— Пластырь — это хорошо. Только не забывай почаще менять.

Янь Хуасин показал ей жест «окей».

Ши Ицюань вздохнул. Все равно от Янь Хуасина не добиться того, о чем он не хочет говорить.

— Фэн-гэ, у тебя еще есть дела? Может, пойдешь с нами? — спросил Ши Ицюань.

Янь Хуасин уже давно снял нарукавную повязку — в нерабочее время он ее не носил.

— Нет, у меня есть дела, вернусь позже, — он аккуратно сложил книги на столе.

Он поднял взгляд на человека, сидевшего перед ним, и, как ни в чем не бывало, обратился к Ши Ицюаню:

— Возвращайтесь осторожнее. И не забудьте включить нам водонагреватель.

Ши Ицюань бросил взгляд на Гу Хэюэ:

— Знаю, знаю. Вы оба вечно возвращаетесь поздно, ключи от комнаты у меня... иногда кажется, что это не ваша комната, а моя.

Янь Хуасин лишь улыбнулся.

Хуан Цзичао перед уходом добавил:

— Не забудь разбудить Гу Хэюэ. Кто-то из вас двоих должен вернуться вовремя, чтобы обмануть коменданта.

— В первый же день не прийти в общежитие? Так не пойдет, мы оба обязательно вернемся, не переживай, — ответил Янь Хуасин.

— Ладно, Фэн-гэ, мы пошли, — сказал Ши Ицюань.

— Пока.

Попрощавшись с ними, Янь Хуасин посмотрел на соседа спереди, который по-прежнему тихо спал, положив голову на руки. Похоже, проснется он еще нескоро.

<http://bllate.org/book/21500/2203184>